

**Групповое давление и групповое влияние:
конформизм, нонконформизм, личностное самоопределение**

В. А. ИЛЬИН

*доктор психологических наук, профессор кафедры психологии управления
Московского городского психолого-педагогического университета*

М. Ю. КОНДРАТЬЕВ

*доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, декан
факультета социальной психологии Московского городского
психолого-педагогического университета*

В статье рассматривается вопрос о соотносительности «личностного» и «группового» в контексте проблематики группового давления. И в терминологическом, и в собственно проблемном плане показано, что рассмотрение феноменов конформизма и нонконформизма в качестве полноценной психологической альтернативы является ошибочным, а реальной альтернативой и конформизму, и негативизму выступает подлинно личностное самоопределение. Опираясь на позицию А. В. Петровского, изложенную в рамках теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах, в статье на материале исследований как отечественных, так и зарубежных психологов продемонстрировано, что единственно верной и социально продуктивной траекторией развития становящейся личности оказывается ее последовательное, деятельностно детерминированное самоопределение, ориентированное на успешную интеграцию в открытом социуме.

Ключевые слова: конформизм, нонконформизм / негативизм, личностное самоопределение, групповое давление, влияние группы.

В социальной психологии, пожалуй, нет такой предметно-проблемной области, которая в той или иной степени не пересекалась в содержательном плане с вопросами, связанными с характером и спецификой взаимоотношений личности и группы и, в частности, с феноменом группового давления на развивающегося индивида. Как пишет В. С. Мухина, «социальная психология ... открывает закономерности социального процесса влияния группы на отдельного человека, устанавливает наличие устойчиво воспро-

изводимых сущностных связей и зависимостей. В контексте сказанного значимо указать на тенденции влияния ... группы на отдельного человека, в нее входящего» [5, с. 4].

Для того чтобы психологически сущностно определиться в соотношении интересующих нас социально-психологических феноменов, последовательно обратимся к психологической реальности, которая традиционно лежит за столь привычными для каждого профессионального психолога понятиями, как

«конформизм», «нонконформизм», «личностное самоопределение».

Конформизм [от лат. *conformis* — подобный, сообразный] — проявление активности личности, которое отличается реализацией отчетливо приспособленческой реакции на групповое давление (точнее, на давление большинства членов группы) с целью избежать негативных санкций — порицания или наказания за демонстрацию несогласия с общепринятым и общепровозглашенным мнением и желанием не выглядеть не таким, как все. В определенном смысле подобную конформную реакцию на групповое давление демонстрирует достаточно большое число людей, находящихся на первой стадии вхождения в референтную группу — на стадии адаптации — и решающих личностно значимую задачу «быть и, главное, казаться таким, как все». Особенно отчетливо конформизм проявляется в условиях тоталитарного общественного устройства, когда личность боится противопоставлять себя господствующей элите и подчиненному ей большинству, опасаясь не просто психологического давления, а реальных репрессий и угроз своему физическому существованию. На личностном уровне конформизм чаще всего выражается в качестве такой личностной характеристики, которая в социальной психологии традиционно обозначается, как конформность, т. е. готовность индивида поддаться как реальному, так и лишь воспринимаемому как таковое давлению группы, если не стремлению, то, во всяком случае, предрасположенности изменить свои позицию и видение в связи с тем, что они не совпадают с мнением большинства. Понятно, что в одних случаях подобная «податливость» может

быть связана с реальным пересмотром своих позиций, а в другом — лишь со стремлением хотя бы на внешнем, поведенческом уровне избежать чреватого негативными санкциями противопоставления себя конкретному сообществу, будь то малая или большая группа. Таким образом, традиционно принято говорить о внешней и внутренней конформности. Классические эксперименты по схеме, предложенной и реализованной С. Ашем, будучи направлены на изучение прежде всего внешней конформности, показали, что на ее наличие или отсутствие, а также степень выраженности влияют индивидуально-психологические особенности индивида, его статус, роль, половозрастные характеристики и т. д., социально-психологическая специфика общности (в рамках классических экспериментов эта группа является подставной), значимость конкретной группы для испытуемого, чья склонность к конформным реакциям исследовалась, а также личностная значимость для него обсуждаемых и решаемых проблем и уровень компетентности как самого испытуемого, так и членов конкретного сообщества.

Наряду с упомянутыми экспериментами С. Аша к классическим исследованиям конформизма в социальной психологии обычно относят эксперименты М. Шерифа и С. Милграма. Экспериментальная проверка, насколько далеко готов зайти человек, действуя вопреки своим убеждениям и установкам под давлением группы, была проведена С. Милграмом. Для этого его классический эксперимент был модифицирован следующим образом: «В базовой экспериментальной ситуации команда из трех человек (двое из них — подставные ис-

пытуемые) проверяет четвертого человека по тесту парных ассоциаций. Всякий раз, когда четвертый участник дает неверный ответ, команда наказывает его ударом тока» [4, с. 217]. При этом участники эксперимента получают от руководителя следующую инструкцию: «Учителя самостоятельно определяют, каким ударом наказывать ученика за ошибку. Каждый из вас вносит свое предложение, и затем вы наказываете ученика самым слабым из предложенных вам ударов. Для того чтобы эксперимент прошел организованно, вносите свои предложения по порядку. Сначала вносит предложение первый учитель, затем — второй, последним вносит свое предложение третий учитель.... Таким образом, роль, которую играет наивный испытуемый, дает ему реальную возможность предотвратить ужесточение наказания — например, он может на протяжении всего эксперимента предлагать наказывать ученика ударом тока в 15 вольт» [4, с. 217—219], что касается подставных испытуемых, то они каждый раз предлагают применить более сильный удар и именно они первыми высказывают свое мнение. Параллельно проводился контрольный эксперимент, в рамках которого групповое давление исключалось. Испытуемый единолично принимал решение, каким разрядом следует наказывать «ученика» за неверный ответ. Как сообщает С. Милграм, «в исследовании принимали участие 80 мужчин в возрасте от 20 до 50 лет; экспериментальная и контрольная группы состояли из равного количества участников и были идентичны по возрастному и профессиональному составу.... Эксперимент ... со всей очевидностью продемонстрировал, что существенное влияние на поведение испы-

туемых в экспериментальных условиях оказало давление группы.... Основной результат данного исследования состоит в демонстрации того факта, что группа способна формировать поведение индивидуума в области, которая, как думалось, крайне устойчива к подобным влияниям. Идя на поводу у группы, испытуемый причиняет боль другому человеку, наказывая его ударами тока, интенсивность которых намного превосходит интенсивность ударов, примененных при отсутствии социального давления. ... Мы предполагали, что протесты жертвы и существующие в человеке внутренние запреты на причинение боли другому станут факторами, эффективно противостоящими тенденции подчинения групповому давлению. Однако, несмотря на широкий диапазон индивидуальных различий в поведении испытуемых, мы можем сказать, что значительное число испытуемых с готовностью подчинились давлению подставных испытуемых» [4, с. 217—224].

Не менее впечатляющие примеры проявления конформизма дает реальная жизнь. Как отмечает Д. Майерс, «в повседневной жизни наша внушаемость иногда потрясает. В конце марта 1954 года газеты Сиэтла сообщили о порче автомобильных стекол в городке, расположенном в 80 милях к северу. Утром 14 апреля поступили сообщения о подобных повреждениях лобовых стекол за 65 миль от Сиэтла, а на следующий день — всего за 45 миль. Вечером непопятая сила, разрушающая лобовые стекла, достигла Сиэтла. К полуночи 15 апреля в полицейское управление поступило свыше 3000 заявлений о поврежденных стеклах. В ту же ночь мэр города обратился за помощью к прези-

денту Эйзенхауэру. ... Однако 16 апреля газеты намекнули, что истинным виновником может быть массовое внушение. После 17 апреля жалоб больше не поступало. Позднее анализ вышибленных стекол показал, что это обычные дорожные повреждения. Почему мы обратили внимание на эти повреждения только после 14 апреля? Поддавшись внушению, мы пристально смотрели *на* наши лобовые стекла, а не *сквозь* них» [3, с. 274].

Не столь масштабный, но, пожалуй, еще более яркий пример конформизма из своей собственной жизни приводит известный английский писатель Дж. Оруэлл. Этот случай произошел в Нижней Бирме, где Оруэлл служил офицером английской колониальной полиции. Как пишет Дж. Оруэлл, к моменту описываемых событий «...я пришел к выводу, что империализм — это зло, и, чем скорее я распрощаюсь со своей службой и уеду, тем будет лучше» [6, с. 105]. Однажды Оруэлла вызвали на местный рынок, где, по словам бирманцев, все крушит сорвавшийся с цепи слон, у которого начался так называемый «период охоты». Прибыв на рынок, он не застал никакого слона. Десяток зевак указали десяток различных направлений, в которых скрылся слон. Оруэлл уже собрался идти домой, как вдруг раздались истошные крики. Выяснилось, что слон все-таки был и, более того, раздавил некто подвернувшегося местного жителя. Как пишет Дж. Оруэлл, «как только я увидел погибшего, я послал ординарца в дом моего друга, жившего неподалеку, за ружьем для охоты на слонов. Ординарец появился через несколько минут, неся ружье и пять патронов, а тем временем подошли германцы и сказали, что слон в рисовых полях неподалеку... Когда я за-

шагал в том направлении, наверное, все жители высыпали из домов и двинулись за мной следом. Они увидели ружье и возбужденно кричали, что я собираюсь убить слона. Они не проявляли особого интереса к слону, когда он крушил их дома, но теперь, когда его собирались убить, все стало иначе. Для них это служило развлечением, как это было бы и для английской толпы; кроме того, они рассчитывали на мясо. Все это выводило меня из себя. Мне не хотелось убивать слона — я послал за ружьем, прежде всего, для самозащиты... Слон стоял ярдах в восьми от дороги, повернувшись к нам левым боком... Он выдергивал траву пучками, ударял ее о колено, чтобы отряхнуть землю, и отправлял в пасть...

Увидев слона, я совершенно четко осознал, что мне не надо его убивать. Застрелить рабочего слона — дело серьезное; это все равно что разрушить громадную, дорогостоящую машину.... На расстоянии слон, мирно жевавший траву, выглядел не опаснее коровы. Я подумал тогда и думаю теперь, что его позыв к охоте уже проходил; он будет бродить, не причиняя никому вреда, пока не вернется махаут (погонщик) и не поймает его. Да и не хотел я его убивать. Я решил, что буду следить за ним некоторое время, дабы убедиться, что он снова не обезумел, а потом отправлюсь домой.

Но в этот момент я оглянулся и посмотрел на толпу, шедшую за мной. Толпа была громадная, как минимум, две тысячи человек, и все прибывала. ... Я смотрел на море желтых лиц над яркими одеждами.... Они следили за мной, как за фокусником, который должен показать им фокус. Они меня не любили. Но с ружьем в руках я удостоился их пристального внимания. И вдруг я по-

нял, что мне все-таки придется убить слона. От меня этого ждали, и я был обязан это сделать; я чувствовал, как две тысячи воли неудержимо подталкивают меня вперед. ...

Мне было совершенно ясно, что я должен делать. Я должен приблизиться к слону ... и посмотреть, как он отреагирует. Если он проявит агрессивность — мне придется стрелять, если не обратит на меня внимания, то вполне можно дожидаться возвращения махаута. И все же я знал, что этому не бывать. Я был неважный стрелок.... Если слон бросится на меня и я промахнусь, у меня останется столько же шансов, как у жабы под паровым катком. Но даже тогда я думал не столько о собственной шкуре, сколько о следящих за мной желтых лицах. Потому что в тот момент, чувствуя на себе глаза толпы, я не испытывал страха в обычном смысле этого слова, как если бы был один. Белый человек не должен испытывать страха на глазах “туземцев”, поэтому он в общем целом бесстрашен. Единственная мысль крутилась в моем сознании: если что-нибудь выйдет не так, эти две тысячи бирманцев увидят меня удирающим, сбитым с ног, растоптанным... И если такое случится, то не исключено, кое-кто из них станет смеяться. Этого не должно произойти. Есть лишь одна альтернатива. Я вложил патрон в магазин и лег на дороге, чтобы получше прицельиться» [6, с. 105—108].

Приведенный отрывок интересен прежде всего тем, что ситуация подчинения групповому влиянию ярко описана не с позиции внешнего наблюдателя, каковым практически всегда является экспериментатор, а изнутри, с позиции объекта данного влияния. Буквально поражает сила подобного воздействия. В са-

мом деле, в восприятии описанной главным героем ситуации отсутствуют какие-либо признаки когнитивного диссонанса. И рациональные (отсутствие признаков агрессии в поведении слона, его высокая стоимость, очевидные катастрофические последствия возможного неудачного выстрела «неважного стрелка»), и эмоциональные (жалость к слону, раздражение против толпы, наконец, естественные опасения за свою собственную жизнь) аспекты видения ситуации Дж. Оруэллом подталкивали его к личностному самоопределению и соответствующему поведению. Стоит также принять во внимание, что биография и творчество писателя не дают никаких оснований заподозрить его в склонности к конформизму, скорее, наоборот.

По-видимому, свою роль сыграло то обстоятельство, что в рассматриваемой ситуации личность подверглась одновременному воздействию, по сути, двух групп — непосредственному, со стороны туземной толпы, и имплицитному — со стороны белого меньшинства, к которому он принадлежал. При этом и ожидания толпы, и установки белого меньшинства по поводу того, как должен поступить офицер в данной ситуации, полностью совпадали. Однако обе эти группы, как следует из приведенного отрывка, не пользовались симпатиями Дж. Оруэлла, а их убеждения, традиции, предрассудки отнюдь им не разделялись. И все же Дж. Оруэлл застрелил слона.

Нечто подобное можно наблюдать на гораздо более ужасающих примерах участия в геноциде и иных преступлениях тоталитарных режимов самых обыкновенных людей, отнюдь не кровожадных по натуре и вовсе не являющихся убежденными адептами расовых,

классовых и иных подобных теорий. Как отмечает Д. Майерс, служащие карательного батальона, уничтожившего около 40 000 женщин, стариков и детей в Варшавском гетто, «...не были ни нацистами, ни членами СС, ни фанатиками фашизма. Это были рабочие, торговцы, служащие и ремесленники — люди семейные, слишком старые для службы в армии, но не способные противостоять прямому приказанию убивать» [3, с. 291].

Таким образом, проблема конформизма является высокозначимой не только применительно к взаимоотношениям личности и относительно локальной группы (учебной, рабочей и т. д.), но и в гораздо более широком социальном контексте.

При этом, как отчетливо видно на примере из рассказа Дж Оруэлла, конформизм является результатом действия множества как собственно социально-психологических, так и иных переменных, в силу чего выявление причин конформного поведения и его прогнозирование представляют собой достаточно сложную исследовательскую задачу.

Нонконформизм [от лат. *non* — не, нет и *conformis* — подобный, соответствующий] — готовность, несмотря ни на какие обстоятельства, действовать вопреки мнению и позиции преобладающего большинства сообщества, отстаивать прямо противоположную точку зрения. Вне зависимости от того что подобное поведение многими исследователями оценивается как принципиально несхожее с конформным, в психологически сущностном плане эта форма личностной активности не просто близка, а, по сути дела, идентична проявлениям конформизма, так как в обоих случаях мож-

но практически с полной уверенностью говорить о зависимости индивида от группового давления, о его подчинении большинству. Кажущаяся самостоятельность при проявлении нонконформности не более чем иллюзия. Так как не сама личность принимает решение в ситуации неопределенности, ее реакция на групповое давление все равно является зависимой, несмотря на то, осуществляется ли активность в логике «да» или в логике «нет». Таким образом, термин «нонконформизм», будучи, по сути, синонимом термина «негативизм», в сущностно психологическом плане не выступает в качестве антонима понятия «конформизм», а характеризует психологическую реальность, описываемую в социальной психологии в качестве нонконформизма и конформизма, которая содержательно противоположна тому, что оценивается как проявление социально-психологического феномена самоопределения личности в группе. При этом следует отметить, что несмотря на то что в рамках классической экспериментальной формулы С. Аша в среднем около 8 % испытуемых проявляют склонность к нонконформному поведению, вряд ли есть основания считать, что столь значительное число людей являются теми, кому свойственна нонконформность как устойчивое личностное качество. Скорее, имеет смысл считать, что и примерно треть испытуемых, демонстрирующих конформные реакции, и практически каждый десятый из обследуемых, демонстрирующих нонконформную реакцию, не обладают стабильно закрепленной способностью к отстаиванию собственно личностной позиции в условиях экспериментально задаваемого группового давления, а значит, вероятнее всего, не интегрированы в референтные

для них группы высокого социально-психологического уровня развития. Как уже указывалось выше, конформизм достаточно органично проявляется теми членами реально функционирующей группы, которые, находясь на стадии адаптации, в качестве первостепенной решают личностную задачу «быть такими, как все», а неконформизм (негативизм) столь же естественно реализуют члены группы, которые, находясь на стадии индивидуализации, в качестве решения своей приоритетной личностной задачи стремятся «быть не такими, как все».

То что неконформизм является не противоположностью конформизма, а, скорее, его оборотной стороной, так сказать, «изнанкой», получило частичное подтверждение в модифицированном варианте эксперимента С. Милграма, направленного на изучение конформизма. Общая экспериментальная ситуация и «легенда» оставались прежними. Однако подсадные испытуемые, когда начинались протесты «жертвы», не предлагали увеличивать силу тока, а, напротив, один за другим отказывались от дальнейшего участия в данной процедуре. Как и следовало ожидать, большинство наивных испытуемых последовали примеру коллег. Однако примерно 10 % испытуемых продолжали выполнять инструкции экспериментатора (повышали напряжение), несмотря на оппозицию двух других участников. При этом, как считает С. Милграм, «тот факт, что послушные испытуемые не последовали примеру восставшей группы, не означает, что они не чувствовали давления, оказываемого поступком товарищей. Один из послушных испытуемых сказал: «Я чувствовал, что выгляжу настоящим

чудовищем в глазах этих ребят, продолжая хладнокровно наказывать ученика током. Их реакция была совершенно естественной, и первое, о чем я подумал, так это о том, чтобы последовать их примеру. Но я не сделал этого, и вот почему. Если они вышли из эксперимента — это нормально, но если я сделаю то же самое, на сколько же месяцев растянется эксперимент?»

Итак, этот испытуемый ощущал давление группы, но счел, что факт отступничества товарищей накладывает на него особые обязательства перед экспериментатором, что он должен помочь ему довести эксперимент до конца. Другой послушный испытуемый, когда его спросили, почему он нервничал во время эксперимента, ответил: «Наверное, это их поступок так повлиял на меня. Когда они отказались продолжать эксперимент, я чуть было не присоединился к ним, но потом мне показалось, что это было бы как-то нелепо: зачем, спрашивается, мне следовать стадному инстинкту? Разумеется, это их право — выйти из эксперимента. Но мне кажется, что они просто не владели собой».

И, наконец, еще один послушный испытуемый высказал откровенно критическое отношение к поступку подставных испытуемых: «Я считаю, что они поступили неправильно. Раз уж они согласились участвовать в эксперименте, то должны были идти до конца» [4, с. 234—235].

Таким образом, двое из трех проинтервьюированных С. Милграмом испытуемых прямо указывают на групповое давление как основную причину своего неконформного поведения. Присутствует данный мотив и в первом интервью, хотя в несколько завуалированной форме.

Еще более отчетливо природа нонконформизма проявилась в ряде экспериментов, поставленных С. Снайдером и Г. Фромкиным. В одном из них на первом этапе группе студентов было предложено оценить, насколько десять наиболее значимых для них установок совпадают с аналогичными установками других студентов. Затем все испытуемые приняли участие в собственно экспериментальном исследовании конформизма. В результате была выявлена закономерность, согласно которой, чем больше участники идентифицировали собственные установки с установками других в ходе опроса, тем сильнее проявлялась у них тенденция к нонконформизму на экспериментальном этапе. Д. Майерс свидетельствует, что «в другом эксперименте испытуемые, услышав, что окружающие излагают установки, идентичные их собственным, изменяли свою позицию...» [3, с. 308], т. е. опять-таки проявляли нонконформизм под влиянием группы. Последний пример особенно показательен именно в силу его радикальности — испытуемые не просто реагировали на групповое давление по принципу «от противного», но изменяли свои собственные установки по той единственной причине, что они разделялись группой.

В данной связи становится понятным, почему в ряде случаев воздействие, построенное по принципу социального доказательства, эксплуатирующего конформность (например, в рамках рекламной или избирательной кампании), зачастую приводит к результатам, прямо противоположным ожиданиям его инициаторов.

Особенно наглядно видна взаимосвязь конформизма и нонконформизма как различных форм проявления одной

и той же личностной и социально-психологической реальности на примерах закрытых групп сектантского типа. Для членов таких групп характерна тотальная зависимость от группового давления. При этом внутри данных образований она выражается в крайних формах проявления конформности, а в других группах членства (семья, школьный класс, производственный коллектив и т. п.), напротив, носит характер радикального нонконформизма. Причем эта взаимосвязь обыкновенно имеет характер прямой линейной зависимости. Психолого-педагогическая практика показывает, что наиболее непримиримую, а часто откровенно вызывающую позицию в классе практически по любому вопросу занимают, как правило, низкостатусные члены неформальных подростковых группировок, внутри которых они, по сути, лишены «права голоса». При этом поведение высокостатусных участников таких группировок гораздо более вариативно.

Природа «связанности» таких внешне непохожих социально-психологических явлений, как конформизм и нонконформизм, становится более понятной, если рассматривать данную «связку», например, с позиций психосоциального подхода Э. Эриксона, согласно которому деструктивное разрешение базисного кризиса второй стадии эпигенетического цикла приводит к формированию у индивида болезненного самоосознавания как антитезы свободной воли и уверенности в себе. Такое самоосознавание направлено на фиксацию «противоречия между самооценкой, образом “я” автономной личности и образом “самого себя” в глазах окружающих» [10, с. 191]. В этих условиях конформизм позволяет

снизить внутренний дискомфорт, вызванный генерализованными чувствами стыда и сомнения, поскольку «размывает» их за счет проективной идентификации с группой.

Вместе с тем, как отмечал Э. Эрикссон, «тотальное разрушение самооценки... резко контрастирует с нарциссическим и снобистским презрением к мнению других» [10, с. 192]. Это касается не только мнения окружающих (не обязательно критического) о личности таких индивидуумов, но любого их мнения по любому вопросу, что и порождает неконформизм. Таким образом, связка «конформизм»—«неконформизм» является не чем иным, как примитивной формой защиты, позволяющей «сохранить шаткую уверенность в себе в противовес чувству сомнения и стыда» [10, с. 192] индивидам со спутанной идентичностью.

При всей справедливости сказанного было бы некорректно не отметить, что многие видные социальные психологи, в том числе С. Аш, Р. Кратчфилд, Д. Майерс и др., все-таки склонны рассматривать неконформизм как альтернативу (в основном позитивную) конформизму. Это становится понятным, если принять во внимание, что хотя Д. Майерс и определяет конформизм как «...изменение поведения или убеждений в результате давления группы...» [3, с. 292], реально он оценивает и собственно конформизм, и неконформизм в гораздо более широком контексте — в качестве характеристики подверженности личности любому социальному влиянию. Например, к проявлениям неконформизма Д. Майерс относит так называемое реактивное сопротивление: «Представьте себе, что кто-то останавливает вас на улице и про-

сит подписать воззвание в защиту чего-то мало вас интересующего. Пока вы колеблетесь, кто-то другой заявляет вам, что “следует категорически запретить и распространять, и подписывать подобного рода воззвания”. Теория реактивного сопротивления предсказывает, что столь грубые попытки ограничить вашу свободу на самом деле повышают вероятность того, что на бумаге появится ваша подпись» [3, с. 305]. Совершенно очевидно, что, во-первых, в данном случае речь не идет, строго говоря, о «давлении группы». Но гораздо важнее другое: в данной ситуации неопределенности проявление неконформизма в отношении социального давления со стороны противника акции означает конформность применительно к требованию подписать воззвание. То есть конформизм и неконформизм опять-таки выступают в единой «связке» как параллельные, по сути, формы подчинения внешнему воздействию.

Еще одна причина видимых разночтений связана с тем, что в зарубежной социальной психологии практически не рассматривается такая характеристика автономной личности, как самоопределение.

Все это вместе взятое позволяет утверждать, что указанное противоречие между изложенным взглядом на психологическую сущность и природу неконформизма и видением данной проблематики вышеперечисленными авторами носит не столько содержательный и методологический, сколько терминологический характер.

При этом практическому социальному психологу, работающему с любой группой, важно отдавать себе ясный отчет в том, что конформизм и неконфор-

мизм представляют собой «две стороны одной медали», поскольку внешне «удобные», тихие конформисты оказывают столь же негативное воздействие на групповые процессы, сколь и неуживчивые, конфликтные неконформисты.

Самоопределение личности — абсолютно сознательная активность личности по выявлению и отстаиванию отчетливо субъектной позиции в ситуациях, не имеющих жестких нормативных решений. При этом самоопределение личности является не набором локальных решений, а базово-стилевым способом реагирования на разнообразные жизненные обстоятельства, своего рода образом жизни.

Это обусловлено тем, что самоопределение напрямую зависит от таких устойчивых личностных характеристик, как локус контроля, ответственность, полинезависимость. С точки зрения оценки индивидуальной способности к самоопределению, весьма показательны эксперименты С. Милграма по изучению конформности. Сама общая схема этих экспериментов — отсутствие четких поведенческих норм (с одной стороны, согласие следовать инструкциям экспериментатора, а с другой — как морально-нравственные, так и официально-общественные нормы, прямо запрещающие причинять вред другому человеку) и однозначно «правильного» решения в сочетании с высокой «ценой вопроса» (здоровье и даже жизнь предполагаемой «жертвы») для испытуемых, позволяют интерпретировать полученные результаты как проявление или, наоборот, отсутствие личностного самоопределения в экспериментальной ситуации.

Как известно, по результатам всех экспериментальных серий, 65 % испыту-

емых дошли до применения к «жертве» смертельных ударов током (свыше 420 В), хотя уже при ударе в 150 В, сопровождавшемся стоном того, на кого якобы воздействуют, абсолютное большинство испытуемых начинало проявлять беспокойство и, более того, протестовать против продолжения эксперимента. Сам С. Милграм следующим образом описывал типичное поведение такого рода: «После применения удара в 150 вольт он (испытуемый. — В. И., М. К.) возбужденно заговорил с экспериментатором.

Испытуемый нажимает кнопку 150 вольт. Мне продолжать?

165 вольт. Он уже стонет. Здесь еще столько тумблеров! У него может быть сердечный удар. Мне действительно нужно продолжать?

180 вольт. Нет, он не выдержит. Я не собираюсь убивать его. Вы слышите, как он кричит! Ему больно. Он кричит, понимаете, кричит! Вы слышите? Зачем мне все это? Он не выдержит. Тут еще столько тумблеров! Господи, а если с ним что-то случится? Интересно, кто будет отвечать за это?

(Экспериментатор берет ответственность на себя). Ну ладно, смотрите.

195 вольт. Боже, как он надрывается! Вы слышите? Как же так...

Экспериментатор: По условиям эксперимента вы должны наращивать силу удара.

Да, я знаю, но понимаете... ну... он ведь не знает, через что ему предстоит пройти. Он просто не выдержит...

240 вольт. Нет, с меня хватит. Что? Я должен продолжать? Нет, я не собираюсь убивать его. Тут есть и 450 вольт — это уже слишком. *(Экспериментатор: По условиям эксперимента вы*

должны наращивать силу удара). — Я знаю, знаю, но ведь он кричит там...» [4, с. 151–152].

Как отмечает С. Милграм, «несмотря на то, что испытуемый постоянно сопротивлялся свои действия весьма эмоциональными возражениями, он тем не менее до самого конца подчинялся приказам экспериментатора и в итоге применил самый сильный разряд тока. Мы имеем здесь любопытный пример несоответствия между поступком и словом. На вербальном уровне испытуемый проявил решительное нежелание продолжать процедуру, но в своих действиях шел на поводу у экспериментатора. Он не хотел подвергать жертву ударам тока, ему было чрезвычайно неприятно делать это, но он не смог достаточно энергично и убедительно сформулировать отказ от дальнейшего участия в эксперименте, который освободил бы его от власти экспериментатора» [4, с. 152].

Подобное расхождение между словом и делом является наиболее отчетливым показателем отсутствия личностного самоопределения индивида. В этой связи следует отметить, что другим, хотя не столь однозначным, но тем не менее достаточно прогностичным признаком, указывающим на отсутствие четко выраженной субъектной позиции индивида, наряду с вербально озвученными сомнениями относительно того, как следует поступить в той или иной ситуации (что имело место в рассматриваемом примере), являются клятвенные заверения относительно предполагаемых действий и намерений. В этом случае перед нами своего рода формула самоопределения, поскольку всевозможные «клятвы» в широком смысле слова, как правило, адресуются индивидом не только (а в це-

лом ряде случаев даже не столько) партнеру по взаимодействию, сколько самому себе, чтобы преодолеть внутренние сомнения (зачастую неосознаваемые). Это получило подтверждение и в исследовании С. Милграма — те из испытуемых, кто вопреки внешнему давлению занял четкую позицию относительно продолжения своего участия в эксперименте, т. е. самоопределился, в достаточно лаконичной и недвусмысленной форме заявили об этом: «Тот человек, он стучит там. Он хочет чтобы его выпустили... Мне очень жаль, но если человек не хочет, я должен остановиться... Я лучше верну деньги (за участие в эксперименте испытуемые получали денежное вознаграждение. — В. И., М. К.). Я не хочу причинять ему вред... Извините, но если он хочет выбраться оттуда, я больше не буду наказывать его. Никакие деньги не заставят меня причинить боль другому человеку» [4, с. 151].

Наиболее интересны, с точки зрения проблемы самоопределения личности, результаты экспериментальной серии, по условиям которой решение о величине разряда за неправильный ответ принималось группой из трех «учителей», двое из которых были ассистентами С. Милграма. Согласно инструкции, каждый из «учителей» по очереди вносил свое предложение о силе разряда, при этом применялся минимальный из них. Экспериментальная процедура была организована таким образом, что первыми свои предложения вносили «подсадные» испытуемые, предлагавшие последовательно увеличивать силу тока за каждую очередную ошибку «ученика». Понятно, что в таких условиях реальный испытуемый подвергался внешнему воздействию со стороны своих «коллег»,

при этом сохраняя возможность решительным образом влиять на ситуацию, т. е. занимать отчетливо субъектную позицию. В контрольном эксперименте те же самые реальные испытуемые единолично принимали решение о силе удара током.

Как показало сравнение результатов двух проб, большинство испытуемых в контрольной ситуации прибегали к значительно менее жестокому «наказанию», чем действуя в «команде учителей». Хотя традиционно этот разрыв оценивается в логике классической связки «конформизм-нонконформизм» как показатель влияния группы, представляется совершенно правомерным интерпретировать его и как факт по крайней мере частичного отказа испытуемыми от собственной субъектности под достаточно слабым внешним воздействием в ситуации нормативной неопределенности, что является прямым следствием отсутствия или слабой выраженности личностного самоопределения.

О пропорциональном соотношении индивидов, обладающих выраженной способностью к самоопределению, и, напротив, ориентирующихся на чужое мнение в ситуации нормативной неопределенности применительно к выборке испытуемых С. Милграма, позволяют судить результаты другой модификации описанного эксперимента, в рамках которой три «учителя», из которых только один был реальным испытуемым, действовали параллельно, но независимо друг от друга (каждый по очереди наносил «жертве» удар током; при этом первыми, как и в предыдущем случае, «наказывали» «ученика» ассистенты экспериментатора). Оказалось, что «когда настоящие испытуемые наблюдали за осталь-

ными «учителями», последовательно подвергавшими другого человека электрическому шоку, 93 % из них от начала и до конца следовали за общей массой. И наоборот, если два «учителя»... прекращали пытку на ранних стадиях эксперимента, то останавливались и 90 % настоящих испытуемых» [9, с. 344].

Обращает на себя внимание практически равный процент испытуемых, занявших твердые, хотя и диаметрально противоположные в содержательном плане позиции в данной ситуации. Это позволяет предположить, что именно такова (7–10 % от всей выборки) представленность индивидов с отчетливо выраженной способностью к личностному самоопределению в рамках обследованного С. Милграмом контингента в заданных экспериментальных условиях. Для интерпретационных целей, по-видимому, немаловажен, например, тот факт, что по результатам классического эксперимента С. Аша (исследовавшего конформную и нонконформную реакции в условиях группового давления), примерно такое же число испытуемых (8–10 %) проявили нонконформную реакцию.

В этой связи нельзя не отметить, что сама по себе способность к самоопределению не является показателем просоциальной направленности и гуманистической ориентации личности. Интерпретационным ключом, позволяющим соотносить личностную активность индивида, направленную на отстаивание субъектной позиции, с его ценностными ориентациями, может служить получивший распространение именно в социальной психологии «дочерний» по отношению к понятию «самоопределение личности» термин «самоопределение личности в группе».

В специальной психологии помимо понятия «самоопределение личности», которое характеризует глобально интегральный способ личностной активности, традиционно используется «дочерний» термин, раскрывающий специфику отношений личности в конкретном сообществе — «самоопределение личности в группе». Этим термином, как правило, обозначают вполне осознанное и столь же откровенно дифференцированное отношение личности к предъявляемым ей группой образцам активности, основанием которых являются сформированные в качестве нравственных ориентиров нормы, ценности, идеалы, своды правил, кодексы чести, оценки, представления о просоциальности. Именно с опорой на эту базу одни воздействия группы личностью отвергаются, а другие — принимаются. Таким образом, традиционно воспринимаемые как единственно возможная альтернатива способы конформного и неконформного поведения оказывается ложной дихотомической схемой, возникает третий, реальный, путь личностного становления и развития в рамках конкретной группы и широкого социума в целом — коллективистское самоопределение личности. При этом в экспериментальных исследованиях, проведенных на основе теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах [7; 8 и др.], было показано, что в сообществах разного уровня социально-психологического развития и психологическое содержание, и степень выраженности данного социально-психологического феномена принципиально различны. В общностях высокого уровня развития типа коллектива личность даже в ситуации, когда сама группа демонстрирует (например, в специально созданных экс-

периментальных условиях) отступление или нарушение выработанных или закрепленных в ее жизнедеятельности норм, продолжает придерживаться именно их и отстаивать необходимость их не нарушать, несмотря на давление группы. Помимо этого личность, которую отличает высокая степень коллективистского самоопределения, выступает как бы транслятором норм, которые выработаны и закреплены в высокоразвитой общности, даже не контактируя с ней и, более того, покинув ее навсегда. Подобную картину личностной активности крайне редко можно зафиксировать, если речь идет о представителях групп низкоразвитых. Если все же феномен самоопределения личности в них выявлен, то чаще всего базовым основанием такой личностной активности оказываются либо своеобразные индивидуально-психологические характеристики конкретной личности, либо предшествующий опыт ее жизнедеятельности в высокоразвитых сообществах. Экспериментальная схема исследования самоопределения личности в группе и развернутое описание методической процедуры выявления этого социально-психологического феномена наиболее подробно описаны в книге «Психологическая теория коллектива» [7].

В заключение настоящей статьи целесообразно остановиться на одном принципиально значимом психолого-педагогическом по своему содержанию моменте. Если задаться вопросом, на что должен быть профессионально ориентирован практический психолог, то нельзя не прийти к следующему выводу. Для практического социального психолога, озаботившегося не столько констатационно-диагностическим изучением интересующей его группы или

организации, сколько реальной психологической поддержкой и сопровождением конкретной общности, выявление круга индивидов, способных не только на локальные акты личностного самоопределения, а занимающих эту позицию в логике стиля жизненного существования, — единственная возможность реально опереться на тех, кто является действительными его сторонниками в становлении данной группы в качестве высокоразвитой в социально-психологи-

ческом плане общности. В этом плане, безусловно, в качестве психолого-воспитательной цели формирование конформиста или негативиста не может рассматриваться хоть сколько-нибудь всерьез. Единственно возможным полноценным партнером может быть лишь та развивающаяся личность, органичной формой социальной активности которой в рамках взаимодействия и общения является подлинно личностное самоопределение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кондратьев М. Ю.* Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб., 2005.
2. *Кондратьев М. Ю., Ильин В. А.* Азбука социального психолога-практика. М., 2007.
3. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 2000.
4. *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. СПб., 2000.
5. *Мухина В. С.* Человек под прессингом малой группы: конформизм, негативизм, самостоятельность // Социальная психология малых групп: Материалы Второй всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А. В. Петровского / Под ред. М. Ю. Кондратьева. М., 2011.
6. *Оруэлл Дж.* Памяти Каталонии. Эссе. М., 2003.
7. Психологическая теория коллектива / Под ред. А. В. Петровского. М., 1979.
8. Психология развивающейся личности / Под ред. А. В. Петровского. М. 1987.
9. *Тейлор Ш.* и др. Социальная психология. СПб., 2004.
10. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

Group Pressure and Group Influence: Conformism, Non-Conformism and Self-Determination

V. A. ILYIN

*PhD in Psychology, professor at the chair of Management psychology
of the Moscow State University of Psychology and Education*

M. YU. KONDRATYEV

*PhD in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy
of Education, dean of the Social psychology faculty of the Moscow State University
of Psychology and Education*

The article addresses the relation between 'personal' and 'group' in the context of the group pressure topic. As it is shown both on the level of concepts and problems, regarding conformism and non-conformism as totally opposed alternatives would be inaccurate: the real alternative to both phenomena is genuine self-determination. Basing upon A. V. Petrovsky's theory of activity mediation of interpersonal relationships, as well as on the evidence provided in Russian and foreign studies, the article reveals that the only reliable and socially productive trajectory of personality development is one's consequent, activity conditioned self-determination aimed at successful integration in the open society.

Keywords: conformism, non-conformism/negativism, self-determination, group pressure, group influence.

REFERENCES

1. Kondrat'ev M. Yu. Social'naya psihologiya zakrytyh obrazovatel'nyh uchrezhdenii. SPb., 2005.
2. Kondrat'ev M. Yu., Il'in V. A. Azbuka social'nogo psihologa-praktika. M., 2007.
3. Maiers D. Social'naya psihologiya. SPb., 2000.
4. Milgram S. Eksperiment v social'noi psihologii. SPb., 2000.
5. Muhina V. S. Chelovek pod pressingom maloi gruppy: konformizm, negativizm, samostoyatel'nost' // Social'naya psihologiya malyh grupp: Materialy Vtoroi vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii, posvyashennoi pamyati professora A. V. Petrovskogo / Pod red. M. Yu. Kondrat'eva. M., 2011.
6. Oruell Dzh. Pamyati Katalonii. Esse. M., 2003.
7. Psihologicheskaya teoriya kollektiva / Pod red. A. V. Petrovskogo. M., 1979.
8. Psihologiya razvivayusheysya lichnosti / Pod red. A. V. Petrovskogo. M., 1987.
9. Teilor Sh. i dr. Social'naya psihologiya. SPb., 2004.
10. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis. M., 1996.